

Геннадий
Васильевич
ВЕРШИНИН

САМОЕ ЛУЧШЕЕ МАЛОИЗВЕСТНО

Тюменский институт дизайна, который возглавляет кандидат искусствоведения, профессор, вице-президент Союза дизайнеров России, заслуженный деятель искусств России Г. В. Вершинин, и кафедру издательского дела и редактирования филологического факультета ТюмГУ связывают совместные проекты, презентации, обмены мнениями и преподаватели. Г. В. Вершинин входит в состав жюри ежегодного конкурса «Книга года», который обязан своим появлением кафедре. Несколько курсов по искусству книги будущим издателям читает доцент Института дизайна Н. П. Пискулин.

— *Кто такой тюменский дизайнер, чем он занимается?*

— Преимущественно интерьерщик, меньше — график. Еще реже — дизайнер костюма, но все они делятся на два типа — художники и ремесленники.

Эта профессия не лицензируется, заниматься дизайном может любой человек, что и происходит на практике. В свою очередь диплом о специальном образовании не гарантирует, что его обладатель будет хорошим дизайнером.

Обычно, говоря «тюменский дизайнер», мы подразумеваем лучших выпускников своей школы — колледжа искусств и Института дизайна, это одна творческая структура, хотя организационно принадлежит разным ведомствам.

Наши выпускники занимаются по большей части графическим дизайном, интерьерами, средой. Еще одно направление — дизайн костюма — развивают выпускники Омского института сервиса и Тюменского колледжа профессионально-педагогических технологий, такие как Максим Некрасов, Надежда Морозова, Алена Дубровина, Анжелика Белозерова и другие.

— *Остаются ли талантливые дизайнеры в Тюмени или они разъезжаются по заграницам и столицам?*

— В последние десять лет почти все выпускники тюменской школы оставались здесь. С этого года, видимо, постепенно начинается отток. Колледж искусств стал частью академии культуры, судьба института (филиала Уральской

Слово в пространстве культуры

архитектурно-художественной академии. — Ред.) тоже неясна*, и мы заметили, что некоторые абитуриенты стали уезжать в другие города — они уже не надеются получить хорошее профессиональное образование в Тюмени.

— *На какой-то момент показалось, что ситуация с объединением колледжа и академии стабилизировалась, был достигнут некий компромисс...*

— Мне тоже так показалось... Но колледж в последние годы сильно сдал: были неоправданно большие наборы, игнорировались профессиональные требования. Отделение дизайна осталось без заведующего — есть только председатель цикловой комиссии, появилось стремление снизить число преподавателей-совместителей. Но дизайн — сложная профессия, такие дисциплины, как конструирование, эргономика и другие требуют привлечения профессионалов-практиков из других цехов. Установка на то, чтобы все предметы преподавать своими силами, сказалась на моральном тоне... Интеграция в академию — лишь следствие процесса упадка.

— *Можно ли научиться дизайнерскому искусству или дизайнером надо родиться? Чем работа дизайнера отличается от художника-оформителя, например? В чем состоит суть этой профессии?*

— Можно и родиться, можно и научиться, хотя без некоторых природных данных научиться нельзя. На мой взгляд, дизайнер — более изощренная, гибкая, более системная деятельность. Художник живет в своем внутреннем мире, он воплощает на холсте личные переживания, при этом он не привязан к обществу, может даже работать где-то еще, а творить «для себя». Дизайнер же не может работать в стол.

Оформление — это внешний процесс, дизайн — системные преобразования.

Есть английское определение дизайна: «Совокупный опыт материальной культуры, навыков и ценностей, который воплощается в искусстве планирования, формообразования, изобретения и воплощения».

Дизайнер находит способ решить широкий круг проблем, причем в такой форме, чтобы результат обладал культурной и художественной ценностью.

Об этом пошутил итальянский дизайнер Томас Мальдонадо: «Людам не нравится, что произведения искусства стали товаром, они хотят, чтобы товары стали произведениями искусства».

— *Говорят, есть тюменская школа дизайна — это она делает плакаты типа «Тюмень — лучшая в мире» или «Энди Уорхолл — наркоман»?*

— Сегодня у нас так дилетантски рекламируется здоровый образ жизни: на антинаркотических плакатах портрет Мэрилин Монро и работа Энди Уорхолла, хотя оба не дружили со здоровым образом жизни...

* В настоящее время Институт дизайна под новым названием — Институт архитектуры, дизайна и визуальных искусств вошел в состав Тюменской академии культуры, искусств и социальных технологий — тоже новое название.

Тюмень — город самодеятельности. Мы организуем конкурсы социальной рекламы, привлекаем студентов-дизайнеров и профессионалов, чтобы противостоять этой самодеятельности. Но все очень непросто: меняются руководители, и приходится все начинать заново, только удалось достичь договоренности с одними — пришли другие, и они, как правило, ничего не слышали о дизайне и дизайнерах. Компетентность принимающих решения ненамного выше обывательской.

Глава области поставил задачу: создать концепцию городской рекламы, навести порядок в рекламной среде, но оказалось, организаторы ничего о нас не знают и не собирались приглашать. К конкурсу планировали привлечь рекламные агентства, у них — свои задачи, но мы тоже хотели бы заявиться, тем более что разработка целевых программ, исследования и проекты — обычная профессиональная и вузовская дизайнерская практика. В итоге — только потому, что не нашлось исполнителей среди «своих», концепцию рекламы разрабатывал наш дизайн-центр. Многие оценили результат как авангардный. Но нашлись и бизнес-противники, частично отыгравшие ситуацию назад. И это несмотря на благоволение губернатора.

Если бы перед тюменским сообществом дизайнеров была поставлена задача, уверен, мы бы ее решили достойно. Но не сразу — как и всякая проектная деятельность, такая работа требует времени: вчитаться, вдуматься, найти какие-то модели и отработать их.

— *Есть ли отличия в подходе к дизайну у русских коллег и у иностранных?*

— Я бы разделил тюменскую школу и российскую — это не одно и то же... Европейский дизайн социален, гуманен, открыт человеку. Российский дизайн, как мне кажется, циничный, нацелен на извлечение прибыли. В Тюмени ситуация несколько иная. У нас много, как мне кажется, гуманных, интересных и высокохудожественных явлений, но вопрос в заказе: дизайнеры берутся за ту работу, которую им предлагают. Пространство инициативы узко.

— *Могли бы вы привести примеры гуманных проектов тюменской школы, о которых вы говорите?*

— Я бы назвал «Тюменские фестивали архитектуры, дизайна, искусства», которые Союз дизайнеров организует одиннадцатый год. Это большой проект, состоящий из множества событий. Он позволяет показать инициативные работы: интерьеры, одежду, графику, макеты книг и журналов.

Второй проект носит информационный характер — сайт «Искусство и дизайн Тюмени». Мы недавно обновили его, и коллеги из Питера, Казани, Екатеринбурга нас хвалят, что очень приятно. Тюменские дизайнеры создали «Концепцию рекламно-информационной среды Тюмени», оформили залы классического искусства музея искусств. Среди 5–6 тысяч экспонатов фестивалей дизайна разных лет было изрядное число качественных проектов и реализованных разработок во всех жанрах: от графики и плакатов до интерьеров, мультимедиа и моды.

Слова в пространстве культуры

— *Дает ли фестиваль ответный эффект?*

— Мы не проводим мониторингов, но видим, как меняется уличная среда. Тюмень — первый город, где нет рекламных перетяжек над дорогами, практически исчезли с улиц разномастные штендеры. Попытка структурировать рекламу была очень серьезной, хотя есть влиятельные силы, которые откорректировали нашу концепцию.

— *Расскажите подробнее о сайте «Искусство и дизайн Тюмени» — чем он наполнен, чем он ценен.*

— Это некоммерческий ресурс, все материалы мы отбираем на свой вкус, например, в списке ссылок есть малоизвестные в России ресурсы: международный конгресс дизайнерских сообществ, международный конгресс графических сообществ и так далее. Нам предлагали перекрестные ссылки, но мы не хотим замусоривать сайт.

На нем есть критика, аналитика, публикации по актуальным темам, информация о профессиональном образовании, мнения экспертов. Сейчас публикуем большой круг дипломных работ разных школ, рассказываем о самых разных явлениях архитектуры, искусства, дизайна.

После обновления на сайт ринулся поток посетителей. Надеюсь, «Искусство и дизайн Тюмени» постепенно займет достойное место в культурном пространстве как серьезный дизайнерский ресурс.

— *еннадий Васильевич, можете ли вы рекомендовать какие-либо курсы дизайна интерьера в Тюмени для любителей? И второй вопрос — проходят ли в Тюмени мастер-классы дизайнеров и где можно посмотреть соответствующую информацию?*

— В декабре к конкурсу «Книга года» мы совместно с кафедрой издательского дела и редактирования Тюменского государственного университета организовали мастер-класс Бориса Трофимова. Это — номер один в российском графическом дизайне. Он один день работал в университете и два дня — у нас. Большого пока не позволяют финансы.

Порекомендовать курсы не могу, я слышал, что они есть... Мы планировали делать курсы по рисунку и живописи, по дизайну, но пока ситуация не очень благоприятная для этого. Институт дизайна временно пользуется площадями колледжа искусств, мы здесь в гостях, перспективы наши не слишком оптимистичны, несмотря на помощь и содействие руководства области — маленький ресурс всегда сложно развивать и оберегать в наше время мнимостей и глобальностей*.

— *Скажите, можно ли поступить к вам в Тюменский институт дизайна в зрелом возрасте? Если да, то сколько надо учиться и сколько стоит обучение?*

— В Тюменском институте дизайна действуют две программы — бакалавриат (4 года) и специалитет (6 лет). Поскольку у нас государственное учебное заведение, 50% мест — бюджетные. Чтобы дать возможность лю-

* Весной 2010 г. Институт дизайна получил новое здание на ул. Карской, 38.

дям учиться, у нас гибкая форма оплаты. На младших курсах обучение стоит около 80 тысяч рублей, на старших — до 50-ти. В Уральской академии в этом году — 127 тысяч.

В Законе об образовании нет ограничений по возрасту, другое дело, что с возрастом сложно расставаться со стереотипами и обыденными привычками, но у нас бывали случаи, когда довольно взрослые люди учились — 30–35 лет.

— *Насколько я поняла, Академия культуры и искусств стремится присоединить Тюменский институт дизайна?*

— Академия заинтересована, чтобы мы влились в ее ряды.

— *А Урал АХА готова продолжать сотрудничество?*

— УралГАХА появилась из филиала Московского архитектурного института: сначала стала архитектурным институтом, потом академией. Точка зрения ректора УралГАХА Александра Старикова: хороший филиал не может долго быть филиалом — либо он становится самостоятельным вузом, либо подразделением сильного вуза. Стариков считает наш филиал хорошим, поэтому главное — сохранить школу. В каком качестве — решать здесь, в Тюмени. Ректор (профессиональный архитектор) готов нас держать в качестве филиала, готов и отпустить на свободу. Тем более что именно тюменцы обратились в свое время в Уральскую академию с просьбой открыть здесь филиал вуза, первого в своей категории. УралГАХА филиал особо не нужен — отбирает часть контингента. И только результаты работы позволяют ректору мотивировать его существование и говорить о нем, как о достойном подразделении.

С. Перепелкин. В МАСТЕРСКОЙ

Слова в пространстве культуры

— *В Тюмени могли бы существовать как минимум две школы дизайна — в Академии культуры и в Институте дизайна?*

— В Красноярске девять средних и высших школ искусств! Это мировая практика... В Лондоне 160 школ дизайна! Убежден, мы могли бы открыть буквально за один-два года самобытный вуз, в котором были бы и мультимедиа, и живопись, и графика, и разные виды дизайна, и городская среда, и архитектура. Сегодня потенциал есть.

— *То есть, можно обеспечить творческий вуз кадрами при помощи тюменских специалистов?*

— Да, нам никого приглашать не надо. Более того, это было бы бесполезно. Есть специфика школы: в графическом дизайне у нас конкуренты среди московских и питерских вузов. В смысле средового дизайна — также четыре-пять ведущих школ, и с ними наш средовой дизайн спокойно конкурирует. Во всяком случае, это мы видим по международным конкурсам дипломных проектов, в которых участвуем ежегодно, по контактам с коллегами, выставкам. Мы вырастили свое явление.

— *Есть ли ныне живущие дизайнеры, чьей работой вы восхищаетесь?*

— Конечно! Прежде всего это итальянцы: Марио Беллини, Энцо Мари, Алессо Мендини, Гаэ Ауленти и другие. Недавно ушел из жизни Соттсасс... Всех не перечислить. За сто лет существования дизайн создал собственный пантеон, в который входят великие Люди и большие Мастера.

Есть блестящий молодой финский дизайнер Харри Коскинен. В мире вообще очень интересная молодежь — живая, экологичная. Она имеет подлинный общественный заказ, ведь всем давно ясно, что никакой продукт или явление без качественного, самобытного дизайнерского решения невозможны. У нас пока дизайнером часто является сват, брат, еще какой-то знакомый... Так появляются неискренние объяснения в любви к Тюмени, разного рода антиреклама, антидизайн.

— *Как вы относитесь к Артемию Лебедеву?*

— Ровно, как и ко многим его коллегам — он хороший предприниматель, но ничего выдающегося в его работах нет. Лебедев занимался, например, промышленным дизайном, но уровень продукта московского «Биоинъектора» несравнимо выше. Лебедев — большое предприятие, с активным промоушеном, но ничего поражающего воображение у него я не знаю, возможно, просто по собственной недалекости.

— *Публику, однако, поражает — его картинки то и дело размещают в блогах...*

— У нас почему-то ложная установка на успешность. Я давно занимаюсь архитектурой и дизайном как исследователь и могу сказать, что самое лучшее малоизвестно. Допустим, у нас говорят, что Норман Фостер — это самое крупное явление архитектуры. Причем говорят серьезные люди, как, например, Ирина Александровна Антонова (директор московского Музея

изобразительных искусств имени Пушкина. — Ред.). Но Фостер — лишь техничный и броский коммерческий проект, далекий от столбовой дороги архитектуры и проектной культуры. На мэтра, живущего в Швейцарии, работают 600 архитекторов и дизайнеров из разных стран.

И есть, например, американка Майя Лин, десятки других архитекторов и дизайнеров, проекты которых намного самобытнее, чем Фостера. Есть немецкий архитектор Отто Бенеш: его рейхстаг в Бонне много раз цитировался и копировался, и тюменцами в том числе; парламент Бенеша много интереснее, чем берлинский парламент, который сделал Фостер — человечнее, остроумнее, содержательней и изобретательней — настоящий шедевр современной мысли и архитектуры.

— *Не собираетесь ли вы повторить опыт «Хрестоматии дизайна», изданной Тюменским институтом дизайна?*

— У нас осталось около 500 экземпляров — хотим часть их предложить вузам, но не спешим. Книга высоко оценена дизайнерами и аналитиками книги, распространяется без оптовиков. Такого рода проекты бьют по нашему финансовому состоянию, а мы в этом году впервые вышли на то, чтобы своевременно выплатить сотрудникам отпускные.

В сентябре мы планируем издать сборник «Дизайн. Документы-5» — о красоте, по итогам российской конференции дизайнеров и тем зарубежным материалам, что нам прислали, но это совершенно другой бюджет.

— *Какую бы книгу вы написали, если бы у вас было время: о своей профессиональной деятельности или личной жизни? Как бы вы ее назвали?*

— Я бы написал книгу «Как я был дизайнером». Я практически отошел от дизайнерской практики и сижу теперь на двух стульях — преподавательском и научно-исследовательском. А в 1980-е — начале 2000-х у меня была бурная дизайнерская жизнь, много сложных и комичных ситуаций, интересных людей — тогда, по сути, создавался реальный российский дизайн. В человеческом и культурном смысле это был интересный период. Не обо всем можно рассказать — есть кодекс чести международного сообщества дизайнеров, в которое мы входим, главный пункт которого гласит: «Дизайнер не может наносить ущерба своим клиентам». Но и того, что можно осмыслить, о чем рассказать — хватит на книгу в свободном жанре, а легкие жанры мне ближе, чем труды по дизайну, которые мало кто может осилить даже из профессионалов.

— *Какой ваш проект/творение/действие вы считаете самым удачным или принесшим максимальный эффект городу?*

— Две квартиры в подмосковном поселке Кунцево, в которых особого дизайна-то и нет. Там такие покрытия стен из бело-коричневой пробки, цветовая гамма, фактуры и поверхности, огромные окна, выходящие в лес, моя любимая мебель фирмы V&V Italia, неповторимая по эргономике

Слова в пространстве культуры

и красоте формы кровать Aletto, на которой человек хорошо отдыхает, и ей подобные вещи вроде стеллажей Domus, простые и гениальные. Мне так нравятся эти удивительные предметы, виды леса из окон и весь этот ландшафтно-предметный ассамбляж, что я себе говорю — это здорово. В квартирах трансформируется мебель, экран кинотеатра опускается и прячется в потолок, близко деревья и птицы... В этой работе — как бы «отсутствие дизайна». Меня угнетают демонстрации дизайнерского воображения, заикленность на броских предметах, все эти показы притязаний авторов и заказчиков.

Если говорить о городе — не могу сказать, что сделал нечто, чему бы радовался. Резиденция Губернатора Тюменской области отчасти загублена бесконечными согласованиями и вкусами клевретов. Мы планировали более простой вариант, более элегантный и классичный, в нынешнем — слишком много излишеств и провинциального вкуса, хотя люди, причастные к охране памятников, нас и похвалили за стиль и меру. Все равно чувство досады есть, когда понимаешь, как могло быть.

Вообще, сколько я себя помню, мы с коллегами все время что-то делаем для города. То это были демонстрации, в которые мы вводили какие-то прогрессивные формы, то витрины колледжа, были очень интересные, на мой взгляд, выставки, рождественские проекты... Это все вроде как и для города, но не всегда для улицы как таковой.

Чтобы каждый из этих проектов по-настоящему сработал, чтобы можно было быть ими довольным, нужны были немного другие деньги, условия, отношение заказчиков к нашим идеям.

Допустим, когда делался первый вариант зала заседаний правительства Тюменской области, я точно знал, как можно было бы сделать его в идеале, но ничего даже не стал из этого предлагать. Можно было взять под стекло некоторые детали классической архитектуры и внедрить туда современные формы. Но в конечном счете появился вариант «полностью наоборот», с перегрузом в классике, который сделал мой уважаемый коллега и который можно принять в чисто формальном плане, но не в функциональном, стилевом и главное — смысловом.

— Вы много путешествуете. Что привозите с собой из дальних стран?

— Во-первых, фотографии. В последней поездке я отснял 19 тысяч фотографий: улицы, дома, скамейки, мусорки, туалеты, уличные указатели — все, что именуется темным словом «среда». Никаких предметов или вещей не привожу: мне кажется, шедевр дизайна должен быть в музее. Хотя для некоторых из своих заказчиков доставлял из-за границы или дизайнерских магазинов России хорошую посуду, стекло и рад, что в Тюмени это есть — действительно красивые и уникальные предметы.

Мне нравится старое немецкое правило, что подарок не может стоить больше 30 марок (сейчас не знаю, как эта норма приведена к евро — тогда

это была одна сотая от средней зарплаты). Считается, что дорогие подарки неприличны, на них не все могут ответить. Хорошо, что многие дизайнерские вещи недороги, потому они доступны, их можно дарить или получать в подарок. Тогда как предметы роскоши не имеют касательства к дизайну и не входят в круг интересов профессионалов нашего цеха. У нас иное понимание уникальности, чем у многих людей — понимание внутреннего смысла и культурной ценности.

— *В каком пространстве вы живете? Вы сапожник без сапог или удалось воплотить свои представления об идеальном интерьере в своем доме?*

— Мое пространство очень простое. Это две комнаты, которые любят мои дети и гости.

У меня была заказчица, которая очень уговаривала взяться за ее усадьбу. Когда я вынужден был согласиться, мы побывали на участке, а потом поехали ко мне посмотреть журналы. Журналы посмотрели, она огляделась у меня и пропала. Посмотрев мою квартиру, она поняла, что дизайнер так жить не должен: простые белые обои в комнате, цветные стеллажи с книгами — и больше ничего.

Я постепенно отшлифовал пространство, в котором глаз ни за что не цепляется: ничто не раздражает, ничем не нужно восхищаться. При этом некоторые из моих знакомых, увидев впервые, как раз восхищались: как все хорошо и ладно. А там — белая тряпка на диване, цветные подушки, то есть совершенно примитивные вещи, которые от меня не потребовали особых усилий. Наверное, не случайно, что некоторые из близких людей предпочитают отмечать дни рождения у меня.

Интерьер должен быть безликим и вместе с тем комфортным по атмосфере, душевной температуре. Кому-то еще хочется жить во дворце, а кто-то хочет жить в интерьере, который не отвлекает от настоящего. Почти во всех жилищах, в которых приходится бывать, я бы не смог долго находиться — такая вот чувствительность.

— *Вот вы сказали: «что-то в обществе не так — задача ставится перед дизайнером». Какие задачи встают перед тюменскими дизайнерами?*

— Если говорить о среде — у нас очень много мусора. Если говорить о графике — очень много непрофессионализма. Хотя Тюмень — я подчеркну — не самый в этом смысле страшный город, скорее, один из наиболее симпатичных.

— *Под мусором вы ведь не грязь имеете в виду?*

— Визуальный мусор: ужасающие по масштабу и пластике здания, монотонные и непропорциональные фасады, омерзительные скамейки, нелепая реклама. Власть много внимания уделяет ремонту дорог, состоянию фасадов, много средств вкладывается в благоустройство, но при этом появляются совершенно ужасающие цветочные тумбы, плохая уличная гра-

Слова в пространстве культуры

фика. Сейчас вот в центре образовались дикие по претензиям на старину, массивности и безвкусице фонари.

В интерьерах приветствуется купеческая декорация. Когда пересекаешься с заказчиками, приходится долго и осторожно объяснять, в какой-то мере учительствовать...

Если говорить о качестве рекламе — это направление не имеет в Тюмени каких-либо завоеваний. У нас нет школы рекламы, работает крайне мало профессионалов, в основном — «менеджеры по рекламе» — технократы из прошлого века, не гуманитарии.

— *Как на вашей памяти менялась тюменская городская среда, можете ли вы выделить какие-то этапы?*

— В 1960-е гг. я застал маленький провинциальный город, на месте пересечения улиц Республики и Мельникайте был пустырь. Потом из уютного маленького, но заштатного, грязноватого, но визуально человеческого местечка Тюмень превращалась в город с большим количеством интересных людей. Резко изменилась городская среда, а масштаб оставался тот же. Мы помним период, когда проезжая часть главных улиц утопала в грязи, помним пыль, социальную разруху — все это было главными приметами Тюмени, примерно в 1970-е — 1980-е гг.

С конца 1980-х помню революционную реконструкцию улиц Ленина и Республики. Мы увидели, что можно сделать в городе современные улицы. Изменился вокзал... И, конечно, наиболее решительные преобразования относятся к концу 1990-х гг. Сегодня в город вкладываются наиболее существенные деньги, жаль, что отсутствует профессиональная культура инвестирования и созидания города — она еще только складывается.

— *При помощи каких-то аналогий вы можете спрогнозировать следующий этап?*

— Что у нас, что в мире — все определяет административная воля. Административная воля в конце XIX в. определила Париж. Префект центрального округа Осман заложил параметры архитектуры, ее габариты. Даром что он вызвал страшный гнев, перестроив Париж — сейчас это один из красивейших городов мира. Обратный пример — нынешняя Москва, власть которой не понимает и не слышит собственную культурную элиту. И московский опыт типичен для всей страны.

Важно, когда ответственные люди понимают перспективу. Есть сильный тип руководителя, который может пожертвовать сиюминутной популярностью, клановыми интересами во имя завтрашнего дня. У Парижа статус города культуры, поэтому несколько президентов подряд посвятили свою деятельность тому, чтобы в городе появлялись грандиозные современные центры культуры. Жорж Помпиду построил Бобур (6 млн. посетителей в год). Франсуа Миттеран вместе с швейцарцем Бернаром Чуми создал парк Ла Вилетт с городами музыки и науки, реконструировал Лувр, переселил оттуда влиятельное министерство финансов — не культурные учреждения

расселял, чтобы поместить туда служащих, а наоборот! А Жак Ширак считает вершиной своей политической карьеры фантастичный по архитектуре и инновациям огромный Музей Бранли, построенный в центре Парижа.

— *Что вы думаете о строящейся набережной Туры?*

— Я удивился, что она как-то неожиданно стала строиться, причем началась с технического проекта, и уже когда он вошел в стадию зримого осуществления, начались обсуждения собственно архитектуры и дизайна. Почему-то вспоминают, что есть профессиональное сообщество, когда возникают сомнения и проблемы... Хотелось бы, чтобы пораньше привлекали профессионалов для общественной экспертизы, но это не от нас зависит. Со стороны дизайнерского сообщества возникли некоторые соображения, мы их озвучили...

Одно из предложений заключалось в том, чтобы к громоздкой и малоудачной горизонтальной планировке, которая уже заложена, открыть улицы, перпендикулярные реке, открыть город на набережную, сделать от городских улиц выходы, лестницы и каскады фонтанов, которые легко осуществить, благо рядом Тура.

Второе предложение касается избытка гранита: «огранитить» такую огромную площадь — значит убить ее, к тому же есть предположение, что гранит будет скоро изрисован графитчиками и просто писаками, как это произошло в Чебоксарах. Наше предложение уже запоздалое, его не осуществить... Мы считаем, что на набережной должно быть больше зелени и естественной планировки в духе английского и итальянского садов и меньше уличной мебели. И опять же убежден, что можно было меньшими затратами обойтись.

— *Если бы вам предложили возглавить проект трансформации современной Тюмени в идеальный город, от каких особенностей города, возможностей, которые предоставляет Тюмень, вы бы отталкивались?*

— Исторически Тюмень — уютный, отлаженный организм, в котором все было близко к человеку и сомасштабно ему, близко к природе, в союзе с которой он складывался. Это сибирский город, в котором много солнца и света, хороший здоровый климат, свободные, даже чересчур, самодостаточные люди. Город должен быть соразмерен человеку и природе, пропорционален, может быть, больше раскинут в пространстве, возможно, надо бы ему строиться, как системе городков, связанных через собственно Тюмень по касательной, с возможностью менять маршруты движения — не через центр и перпендикулярные улицы — через хорды.

Я бы делал город, как делается сейчас Париж: как сумма городов в 100–200 тыс. жителей, соединенных с мегаполисом не по радиусам, а по хордам, по касательным. Эта передовая схема в мире давно используется, но у нас в генплан, к сожалению, не закладывается.

Расширение пригородов — неизбежно, посмотрите на Москву — там тоже об этом не думали, но многие москвичи, в том числе лидеры страны,

Слова в пространстве культуры

большинство известных людей постоянно живут за городом. Мы повторяем старую ошибку мегаполисов, из которых с пятницы по воскресенье невозможно выехать, а потом нельзя и въехать из-за пробок.

Я бы, будь это возможным, сделал так, чтобы город проектировался в конкурсных условиях.

Обратил бы внимание на такую модель инвестирования, которая предполагала бы экономию ресурсов — сегодняшняя городская среда неоправданно затратна. У нас много излишеств, неумеренных расходов, которые не нужны: на излишнюю уличную мебель, на повторные работы по благоустройству. Не пойму, зачем тротуары города одевать в гранит, если их год-два назад одели в тротуарную плитку, которую некоторые города только сегодня укладывают. Город затянут паутиной проводов, но на подземные коммуникации денег нет. Вообще — несмотря на координационные советы — город раздираем своеволием ведомств, которые требуют финансовых излишеств, а не делают и простого: в каком успешном городе вы обнаружите подземные коммуникации, выносимые на поверхность: трубы, провода, кабели и коллекторы?

Очень важно, чтобы строились не только спортивные центры, но и заведения для занятия музыкой, искусством, разного рода творческие и интеллектуальные центры, концертные залы и клубы — места творчества как профессионалов, так и горожан. Схема «дворец культуры широкого профиля» себя изжила, хотя многие так не думают. Нужны интерактивные музеи, вроде нового музея журналистики в Вашингтоне или центра музыкальных опытов в Сиэтле, — они становятся центрами осмысленного досуга, развития, творчества.

— *Есть ли примеры удачного перевоплощения городов, похожих по условиям на Тюмень?*

— Город, который перевоплощается и похож на Тюмень, потому что там большие деньги, — это Нью-Йорк. Сегодня он становится все более благоустроенным — над ним работает весь мир: итальянские концептуалисты, американские архитекторы. Америка совершила колоссальный рывок: она строит и реконструирует свои города зелеными, ориентированными на человека. В Нью-Йорке, например, мэром озвучена акция «Посади миллион деревьев»...

— *Вы назвали основные принципы: человеческий, зеленый... Может быть, еще какие-то опорные точки?*

— Тюмень критикуется архитекторами, руководителями, некоторыми гражданами не потому, что отдельные здания плохи. А потому, что город в целом складывается неравномерно и непродуманно. Нужно, чтобы он создавался не просто функционально и инвестиционно, не как «схема расселения и размещения», а и культурно, и художественно, и гуманитарно, и здесь не обойтись без конкурсов и профессиональных обсуждений. Рядом

находятся совершенно несоединимые по масштабу здания, очень много бу-тафории, пластмассы, ужасающих крыш, благоустроительных излишеств и нелепиц вроде бульвара кошек или «солнечной» площади напротив... Вдруг появляется странный и массивный памятник Текутьеву, или кусок голубого бетона, означающий то ли ожиревшего дядьку Черномора, то ли чиновника, провалившегося в канализацию (подаваемого как «памятник нашему сантехнику» — ну очень непрофессионально).

Есть симпатичные здания в разных местах города, и неплохие дизайнерские решения — графические, витрины, торшеры, но в целом структура города пестрая и без шедевров. Сегодня это уже недопустимо хотя бы потому, что шедевры становятся важным способом самоидентификации города, привлечения туристов, так сказать, позиционирования города в стране и мире. Случайность и самодеятельность — трагедия Тюмени.

Интервью И. ПЕРМЯКОВОЙ

подготовила к печати Н. ДЕМЕНТЬЕВА

Татьяна
Иосифовна
БОРКО

МУЖСКОЙ ПРОТЕСТ, ИЛИ ОВЛАДЕНИЕ МАТЕРНОЙ РЕЧЬЮ

В статье выдвигается предположение о связи табуированной лексики с обрядами поклонения богине — великой матери. Автор задается вопросом, каким образом в истории культуры сакральный язык тайных женских культов трансформируется в сквернословие.

Древнейшая мифология многих культурных сообществ дает основания полагать, что в «первобытном сознании» образ женщины неизменно вызывал трепет, оцепенение, ужас и восторг. Сюжеты о коварных и прекрасных богинях, материалы изобразительного искусства (палеолитические вены, статуэтки долины Инда, мальтийские богини и т. д.), разумеется, не являются историческим подтверждением существования института материнской власти или поклонения реальной женщине, но свидетельствуют о наличии в сознании древнего человека архетипического образа, влекущего и отталкивающего одновременно, очаровывающего и устрашающего. В. Я. Пропп [Пропп 1998] утверждает, что представления о таинственном могуществе женщины и ее власти «исторически основываются на сексуальном начале». В подтверждение фольклорист приводит множество сказочных сюжетов, быличек, в которых рассказывается о внезапной